

*Галяутдинов Р.Р.,
кандидат юридических наук, доцент
доцент кафедры «Криминалистика»*

УУНИТ Институт права

Россия, г. Уфа

Осинцева Е.А.,

студент,

5 курс, факультет «Судебная и прокурорская деятельность»

УУНИТ Институт права

Россия, г. Уфа

СПОСОБ СОВЕРШЕНИЯ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА КАК ЭЛЕМЕНТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ

***Аннотация:** в данной статье автор рассматривает способ совершения взяточничества как системную категорию криминалистики. Подчеркивается его роль в установлении структуры подготовки, передачи и сокрытия незаконного вознаграждения. Особое внимание уделено видам способов, их зависимости от статуса должностного лица и используемым маскировочным механизмам. Показано значение выявления мнимых и притворных сделок, а также реконструкции последовательности действий участников для целей расследования и доказывания.*

***Ключевые слова:** способ совершения преступления, взяточничество, маскировка, мнимая сделка, притворная сделка, криминалистика, вымогательство, доказательства, следовая картина, коррупция.*

***Abstract:** In this article, the author examines the method of committing bribery as a systemic category of forensic science. Its role in establishing the structure of preparation, transfer, and concealment of illegal remuneration is*

emphasized. Particular attention is paid to the types of methods, their dependence on the official's status, and the concealment mechanisms used. The importance of identifying fictitious and sham transactions, as well as reconstructing the sequence of actions of the participants for investigative and evidentiary purposes, is demonstrated.

Keywords: *crime method, bribery, concealment, fictitious transaction, sham transaction, forensic science, extortion, evidence, trace evidence, corruption.*

В современных условиях коррупционные преступления отличаются высокой латентностью и сложными способами сокрытия. Это делает исследование способа их совершения ключевым элементом криминалистической характеристики.

Криминалистическое осмысление «способа совершения преступления» в отечественной доктрине устойчиво закрепилось как системная категория, описывающая интегративный порядок преступного поведения до, во время и после посягательства. В рамках современного подхода способ предстает не как разрозненный набор приемов, а как целостная модель поведения субъекта, детерминированная внешней средой, обстановкой и личностно-психологическими характеристиками лица, воплощенная в причинно-связанных действиях и бездействиях, а также в специфическом механизме слеодообразования. На этой теоретической базе выстраивается и криминалистическая характеристика коррупционных посягательств, где способ приобретает особую значимость: он одновременно указывает на структуру взаимодействия участников, на используемые средства маскировки и на предсказуемую «следовую картину», пригодную для оперативно-розыскного и доказательственного освоения.

Применительно к взяточничеству способ выступает, по сути, «несущей балкой» криминалистической характеристики: именно через него раскрывается взаимосвязь субъективных намерений и объективных условий

совершения сделки-подкупа, очерчиваются обыденные и усложненные сценарии подготовки, передачи и сокрытия незаконного вознаграждения. При этом доктринальные акценты, расставленные ведущими криминалистами, позволяют структурировать анализ.

Так, положения Р.С. Белкина формируют основание для понимания способа как единой системы подготовки, реализации и камуфляжа преступления в их функциональной взаимосвязи, с учетом связи с орудиями, временем и местом, что в антикоррупционном контексте прямо переводится в необходимость реконструировать всю схему, а не отдельный эпизод передачи¹. Развивая методологическую линию, В.К. Гавло подчеркивал, что способ выражается в целенаправленной системе действий и бездействий, встроенной в конкретную обстановку, откуда вытекает и практический вывод: установление способа должно опираться на раскрытие именно системных, а не единичных признаков взаимодействия, включая способы связи, распределение ролей и следовые последствия каждого звена².

Вклад Н.П. Яблокова позволяет дополнительно «сшить» субъективные и объективные факторы: он описывает способ как обусловленную ими поведенческую систему до, в момент и после посягательства, что задает следовательскую оптику на последовательность действий и на динамику слеодообразования; из этого логично вытекает требование доказывать не только факт передачи, но и предшествующие договоренности, и последующие решения, находящиеся в причинной взаимосвязи с вознаграждением³.

Сходным образом позиция Г.Г. Зуйкова акцентирует подвижную детерминированность действий и их опору на средства, орудия и обстоятельства места и времени, что позволяет квалифицировать и

¹ Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. М. : Юридическая литература, 1988. С. 176.

² Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступления. Томск : Издательство Томского университета, 1985. С. 88.

³ Яблоков Н.П. Криминалистика. Учебник. М. : Юрайт, 2017. С. 65.

аналитически разделять «видимые» и «маскирующие» звенья коррупционной коммуникации⁴. В учебной традиции криминалистики это означает, что исследование способа должно безусловно охватывать предкриминальную, криминальную и посткриминальную фазы как единую логическую последовательность.

В практико-ориентированном разрезе способ взяточничества отражает два ключевых измерения. Первое — конфигурацию коммуникации между участниками, будь то непосредственное взаимодействие либо опосредование через доверенных лиц и аффилированные структуры. Второе — глубину маскирующих конструкций: от минимального камуфляжа до многоуровневых схем, насыщенных гражданско-правовыми оболочками и финансово-техническими операциями. Влияние должностного статуса взяткополучателя и масштаба «решаемых вопросов» нарастает по мере продвижения к верхним уровням публичной власти: чем выше статус и чем чувствительнее управленческая компетенция, тем сложнее становится «архитектура» маскировки, тем меньше в ней пространства для открытого обмена, и тем более вероятна интеграция профессиональных посредников, юридических лиц и транзакций, создающих видимость правомерного оборота⁵.

Криминалистическая типология в этой связи разворачивается не как схема перечней, а как разъяснение доминирующих конфигураций. В одном полюсе находится непосредственная передача — относительно «короткий» способ, в котором решающим становится контроль обстановки и подавление внешней заметности; в другом — опосредование через посредников и аффилированные организации, когда фактическая встречаемость выгод размазывается между несколькими формально законными актами и лицами.

⁴ Зуйков Г.Г. Установление способа совершения преступлений. М. : Юридическая литература, 1970. С. 16.

⁵ Гармаев Ю.П. Основные методики расследования преступлений коррупционной направленности : монография. Краснодар : Издательство Кубанского государственного университета, 2018. С. 35.

Существенный вектор задает вопрос о вымогательском характере: в случаях доминирования должностного лица криминалистическое внимание смещается к фиксации психологического и процедурного давления, к идентификации подмены «административной процедуры» торгом и к доказыванию обусловленности принятого решения незаконным стимулом. Еще один аналитический слой связан со «законностью» либо «незаконностью» результата: и в ситуациях «правомерного» по форме исхода, и в сценариях прямой противоправности содержание способа будет различно, но в обоих случаях ключевой остается обусловленность управленческого акта вознаграждением. Наконец, по степени организованности различаются спонтанные эпизоды, разовые сговоры, договоренности о «подписке на услугу» с неопределенным кругом контрагентов и систематические формы, встроенные в деятельность организованных групп, — и именно эта градация позволяет объяснить эволюцию способа от простых к сложным схемам, а также его устойчивость и воспроизводимость.

Важнейшей частью криминалистической характеристики становятся механизмы камуфляжа. Владелец «инициативы» в коррупционной коммуникации стремится легализовать очевидное — встречную обусловленность управленческого действия и имущественной выгоды.

Для этого используются дарения, «займы», «погашения долга» и «прощения» задолженностей; подложно-равновесные купли-продажи с демпфированием цены; «премирования» без экономического основания; фиктивная занятость и договорные конструкции под оплату «несуществующих услуг»; регулярное предоставление «натуральных» выгод — питания, доступа к сервисам, корпоративных карт; строительные и ремонтные работы без разумной оплаты; имитации выигрышей и пари; безналичные переводы на счета третьих лиц; благотворительные транши в пользу родственников; вклады наличных в документооборот и деловую переписку; «закрытые распродажи» и «преференции» при приобретении товаров; оплата обучения,

поездок и конференций; инвестиционные суррогаты с завышенной доходностью; гонорары за лекции и публикации, не имеющие эквивалента в труде; безвозмездные передачи ценных бумаг «задним числом»; использование «оболочек» в виде ассоциаций и фондов; финансирование избирательных кампаний.

Способ как предмет доказывания проявляется и в «длинной» последовательности действий взяточдателя. Криминалистически значимо, что инициатор коррупционного обмена, как правило, изучает регламент и структуру органа, вычленяет компетентное должностное лицо, тестирует каналы коммуникации и социальный капитал, выходит на «точку входа», формирует «объект» вознаграждения и торгуется о его объеме и форме. Дальнейшая фаза — построение камуфляжа через договорные каркасы и транзакции, подготовка источников финансирования, распределение ролей посредников, — завершается собственно передачей, после чего наступает стадия «извлечения блага»: инициатор отслеживает принятие управленческого решения, обеспечивает его исполнение и капитализирует результат. Для следователя эта «сценарная связка» — от разведки и вхождения к маскирующей архитектуре и финальному результату — служит матрицей оценки доказательств и их достаточности.

Судебная практика типично исходит из необходимости доказывания обусловленности управленческого решения предоставленным вознаграждением и распознавания правовых фикций, прикрывающих обмен. Суды оценивают не автономно «дар» или «займ», а их функциональную роль в общей схеме, исследуют экономическую неэквивалентность, синхронность управленческих шагов и «оплаты», наличие посредников и аффилированных структур, регулярность и системность взаимодействий.

При назначении наказания учитываются степень организованности схемы, повторяемость, распределение ролей и «вес» должностного положения адресата, что корреспондирует общим началам индивидуализации исполнения

наказания; в этой логике ориентиры Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2014 года № 9 о критериях выбора вида исправительного учреждения — хотя и относятся к пенитенциарной стадии — подчеркивают значимость учета категории преступления, формы вины, характера личности и иных факторов, обеспечивая нормативную связку между тяжестью коррупционного посягательства и режимными последствиями приговора⁶.

Способ взяточничества представляет собой комплекс действий и маскировочных приемов, требующих тщательной реконструкции. Его выявление позволяет раскрыть истинную сущность правовых фикций и установить обусловленность управленческих решений вознаграждением.

Список использованных источников и литературы:

1. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. М. : Юридическая литература, 1988. С. 176.
2. Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступления. Томск : Издательство Томского университета, 1985. С. 88.
3. Гармаев Ю.П. Основные методики расследования преступлений коррупционной направленности : монография. Краснодар : Издательство Кубанского государственного университета, 2018. С. 35.
4. Зуйков Г.Г. Установление способа совершения преступлений. М. : Юридическая литература, 1970. С. 16.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2014 г. № 9 «О практике назначения и изменения судами видов исправительных учреждений» // Официальный сайт Верховного Суда РФ [Электронный

⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2014 г. № 9 «О практике назначения и изменения судами видов исправительных учреждений» // Официальный сайт Верховного Суда РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vsrp.ru/documents/own/8383/> (дата обращения: 20.09.2025).

ресурс]. URL: <http://www.vsrf.ru/documents/own/8383/> (дата обращения: 20.09.2025).

6. Яблоков Н.П. Криминалистика. Учебник. М. : Юрайт, 2017. С. 65